

Попадюк Никита Кириллович,
доктор экономических наук, профессор
кафедры государственного и муниципального управления
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
Россия, Москва
E-mail: NKPopadyuk@fa.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ: ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОГО ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО МИРА

Статья посвящена обоснованию необходимости введения нового научного направления – региональной политической экономии как науки, способной адекватно отражать новые процессы, происходящие в региональных социально-экономических системах. Это касается таких форм территориального обобществления производства, как пространственная кластеризация, представляющая собой специфическую реализацию локализации макротехнологий. Эти процессы повышают роль субъектного фактора в регулировании происходящих процессов, что находит отражение в субъективизации региональных социально-экономических процессов и формировании коллективно-групповых субъектов деятельности.

Ключевые слова: глобальный финансово-экономический кризис, поиск новой экономической парадигмы, региональная политическая экономия, территориальные производительные силы и производственные отношения, территориальное обобществление производства, субъективизация форм обобществления.

Введение

Глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 году, продемонстрировал, что речь идет не об обычном циклическом бизнес-кризисе в его фазе рецессии, а о нечто более масштабном, выходящим за рамки не только национальных экономик, но и крупных межстрановых формирований во всем индустриальном мире. И, походе, в пространстве экономического типа мышления, ставшим однотипным, начиная с 1991 года, нет теоретической доктрины, которая смогла бы это объяснить. Требуется такая теоретико-методологическая рефлексия, которая бы смогла идентифицировать сущность переживаемого этапа, охарактеризовав его содержательное развертывание по разным уровням социально-экономической реальности. Экономико-теоретический мейнстрим в лице «экономикс» это принципиально сделать не может, потому что в арсенале ее познавательных средств нет инструментов наднационального уровня, а макроэкономика здесь может отражать только то, что происходит в национальной экономике, определяя все, что происходит за ее пределами как внешние шоки. за ее пределами. Относительно новая экономическая наука – геоэкономика [2] – занимается преимущественно межстрановой конкуренцией и закономерностями складывания межнациональных

альянсов, как это наблюдается и в корпусе науки о корпоративных слияниях и поглощениях. Геополитика, претендующая на планетарный прогноз в форме «столкновения цивилизаций» (С.Хантингтон), похоже, скорее проектные наработки по заказу той части американского истеблишмента, которую потеснил приход президента Трампа, стремящегося заниматься проблемами внутринационального процветания для США. В результате оказалось, что на роль такой науки вправе претендовать единственная теоретическая доктрина, которая традиционно занимается проблематикой глобального кризиса капитализма – политическая экономия. И не случайно интерес к политэкономии значительно возрастает не только в России, но и за рубежом.

А вот в рамках политэкономического контекста появляются новые теории, вполне ставящие и решающие объяснительный дискурс современного глобального финансово-экономического кризиса. Есть взгляд на начинающийся кризис как фазовый переход от индустриальных технологий к когнитивно-телекоммуникационным технологиям, как определенность формы нового технологического уклада [5]. Теория «длинных волн» Н.Д. Кондратьева, показывающая внутреннюю динамику смены технологиче-

ских укладов, также показывает относительность общественно-политической модели, с которой связывали «конец истории» Ф. Фукуямы. Более того, политэкономический дискурс инициировал самые разные направления в рамках политэкономии. Активно разрабатываются политэкономии городов [11]. Возникает спрос на политэкономии регионов.

Основная часть

Потребность в новой науке возникает тогда, когда появляется новый предмет исследования, для которого нет теоретических инструментов выявления его логики движения и потому - истории. Или, когда проблематика, ранее рассматриваемая в методологическом и гносеологическом пространстве наук в пределах устоявшегося корпуса научных дисциплин, не уместается в ее рамках, потому что «размывается» в своей предметной определенности, пока не становится понятным, что выявлен новый предмет исследования, и для него необходим свой метод. Бывают ситуации, когда в рамках устоявшейся науки с ее методологическим аппаратом раскрывается ранее не исследованный уровень, богатый новыми возможностями, для исследования которых этот аппарат вполне адекватен. Или, наоборот, для изучения процессов, традиционно рассматриваемых секторальной экономикой, понадобилась методология всеобщей экономической теории. Уже ряд лет в региональной экономике имеет место последняя ситуация из рассмотренных.

Все это ставит перед отечественной региональной наукой задачи, которые необходимо решать на методологическом и теоретическом уровне. Региональная экономика, возникнув как наука политэкономического уровня - по «изучению производственных отношений и производительных сил в их конкретном, региональном аспекте» [4], на самом деле решала более прагматические задачи, связанные с разработкой технико-экономических стратегий развития регионов, территориальной организацией хозяйства, рациональным размещением производительных сил, что являлось основой и главной составной частью этой науки. Проблематика, несомненно, чрезвычайно важная и необходимая, но это – не политэкономия, а региональная экономика. Наряду с ней появились такие дисциплины, как экономика города, регионоведение, экономика регионов. Словом, возникает потребность в такой обобщающей и методологически выверенной теории, как региональная политическая экономия, как раздел политэкономии, изучающий региональный ракурс способов про-

изводства. Здесь появляется и ее предмет. Предметом региональной политэкономии является диалектика территориальных производственных отношений и территориальных производительных сил в их взаимопереходах и разрешениях назревающих противоречий в интересах социально-экономического прогресса. При этом человек в системе территориальных производительных сил и территориальных производственных отношений представлен не индивидом, а организован в соответствующие территориальные субъекты совместно-групповой деятельности, в т.ч. в лице представляющих их территориальных органов управления и территориальных социальных общностей разного уровня. Спектр здесь достаточно широк: от территориальных или муниципальных сообществ до субъектно-деятельностных субъектов по организации межрегиональных формирований и субъектов административно-управленческой деятельности по регулированию социально-экономических отношений в регионе. Могут быть задействованы и дислоцированные на территории субъекты хозяйственной деятельности, но не они становятся главными акторами разворачивающихся территориальных производительных сил и производственных отношений, а их компонентами. Следует отметить, что проблему политэкономии территорий слабо затрагивали и собственно политэкономические исследования даже в советское время, за исключением проблематики распределительных отношений между союзными республиками и вопросов перераспределения национального дохода [6], производства и использования ВВП. Интерес возникает только сейчас [7]. Между тем процессы, которые происходят в экономической реальности в настоящее время и меняют взгляд на экономику, во многом нагляднее в контексте региональной политэкономической картины мира, что само по себе показательно, индикативно.

Понятие «регион» в России в административно-управленческой терминологии и практике синонимично понятию «субъект Российской Федерации». И на уровне регионов в настоящее время как раз вызревают проблемы, способные дестабилизировать ситуацию в стране в целом. Прежнее правительство страны системой межрегиональных перераспределений значительно сократило возможности реализовать собственные инвестиционные проекты и программы. Поэтому региональная проблематика требует постоянного мониторинга для отслеживания процессов, которые характеризуют тенденции, в т.ч. и нежелательные для развития страны как целостности. Различия в ключевых

макроэкономических показателях, уровнях социально-экономического развития, вопреки принимаемым усилиям государства, возрастают между субъектами Российской Федерации. Более того, необходима действительно региональная реформа, которая не сводила бы все свое содержание только к объединению регионов или расширению Москвы как квазисценариев активизации экономической деятельности. В сферу ее компетенции должны входить такие собственно региональные процессы, как содействие территориальным закономерностям комплексобразования, усилению взаимосвязи различных регионов, выявлению причин финансовых перетоков, в т.ч. латентного перемещения стоимости из одного региона в другой, ускорения модернизации отстающих регионов, содействия появлению «полюсов роста», целенаправленного развития территориальных производительных сил и т.п., необходима доработка категорий и понятий, не доосмысленных в период, когда политэкономия была главной экономической теорией в стране. В частности, остались без внимания вопросы территориальных производительных сил и территориальных производственных отношений, повышение уровня территориального обобществления производства. Требуется политэкономический анализ также и принципиально новых процессов, которые происходят в территориально-пространственных системах в стране и за рубежом для управления ими, и соответственно - новой роли региональных органов управления, получивших определения квазигосударство и квазикорпорация [1, с 83], и что за процессы фиксируются этими терминами. Словом, требуется региональная политэкономия.

Региональная политэкономия может показать, что каждый регион представляет собой не только организационно-хозяйственную целостность в государственно-территориальном устройстве Российской Федерации, но и определенный пространственно организованный *совместно-групповой мезосубъект* хозяйственной деятельности с разной степенью субъектности и субъективности со своими особенностями, какие необходимо учитывать, чтобы меры содействия его ускоренному развитию были адекватны тенденциям и потенциальным изменениям социально-экономической структуры. Каждый региональный социально-экономический комплекс, являясь особым социальным организмом, развивается в соответствии обобществлением производства, получающим специфику благодаря своей территориальной природе, т.е. становления социальных целостных

образований путем одновременной дифференциации видов деятельности как организующей формы создания социальных целостностей меньшего масштаба с усилением их взаимосвязи между собой и формированием новых. Последние получают в результате интеграции дифференцированных видов деятельности и на их основе складываются более новых видов деятельности. При этом регион долгое время выступает преимущественно как *потенциальный субъект общественной деятельности*, как «субъект-в-себе». Региональная политэкономия, опираясь на основной тренд обобществления труда и производства и на разрабатываемый ею методологический инструментарий, способна сделать следующее. Во-первых, предложить меры, обеспечивающие превращение региона в «субъекта-для-себя». Во-вторых, отдавая отчет, что эта субъектность «в-себе» не есть гомогенная социальность, а представлена соответствующими локально-дислоцированными территориальными социальными общностями, не всегда контактирующими друг с другом, содействовать становлению ее целостности как «субъекта-для-других».

Региональная система экономических отношений находится в континууме всей системы производственных отношений, характерных для страны и в ее составе относительно однотипных макрорегионов. Это означает следующее. Погруженность в общий континуум производственных отношений предполагает, что, наряду со сложившимися на данный конкретно-исторический момент производственными отношениями, существующими между различными субъектами совместно-групповой деятельности, расположенными на всех таксономических уровнях национальной социально-экономической системы, и производительными силами между ними и природой, существует еще «пласт» региональных производственных отношений. На уровне теоретической региональной политэкономии это предполагает анализ отношений, в том числе складывающихся и между субъектами федерации как персонификаторов «сгустков» экономической деятельности, имеющих место на их территории, в части движения стоимости в ее различных формах (валовой региональный продукт *в различных ценах*), живого труда, материально-технических ресурсов, инвестиций в основной капитал и портфельных инвестиций и т.п. Каждый из регионов, как и положено субъектам совместно-групповой деятельности, находится в «своей» системе производственных отношений, включая региональный уровень. При этом каждый регион существует в

системе связей межрегиональных и надрегиональных. Одновременно внутри каждого региона между территориальными субъектами совместно-групповой деятельности субрегионального типа складываются свои территориальные хозяйственно-экономические отношения, и их акторы участвуют в реализации направлений обобществления производства в разнообразных формах. Выявление особенностей складывающихся экономических отношений *между ними* и вскрытие их возможностей поможет разработать соответствующие программные меры для субъектизации каждого из них с последующей интеграцией всех формирующихся субъектов общественной деятельности в интеграционную устойчивую целостность. Тем самым данные меры будут способствовать тому, чтобы регион из состояния «субъект-общественной-деятельности-в-себе» превратился в «субъекта-общественной-деятельности-для-себя», а через это - в «субъекта-общественной-деятельности-для-других» [10]. Масштабы производственного потенциала таким образом организованного региона сейчас трудно себе представить, но возможности его развертывания во многом обусловлены формами территориального обобществления производства, преобладающими в регионе.

Региональная политэкономия в силу более тесной «привязки» к конкретно определенной территории способна субъективизировать производственные отношения, то в ее дискурсе региональные производственные отношения, с одной стороны, дополняют «обычную» систему производственных отношений собственно региональными, а с другой, - позволяют, по крайней мере, потенциально, дифференцировать эти отношения по конкретным субъектам экономической деятельности с учетом их места в территориальном разделении труда. Это отношения, как складываются между субъектами экономической деятельности, персонифицирующими уровни, которые воспринимаются как отношения между субъектом регионального управления и разноуровневыми субъектами управленческой деятельности.

Все такие пары оппозиций есть определенность политико-экономических, административно-управленческих, бюджетно-финансовых и т.п. взаимоотношений, а не региональные производственные отношения в «чистом» виде. Но от этого они не перестают быть содержательным наполнением территориальными производственными силами в форме территориальных производственных отношений. Более того, такой подход позволяет вскрыть то, что в «класси-

ческом подходе» теряется. Эти экономико-финансовые и административно-управленческие взаимоотношения как определенности форм региональных производственных отношений позволяют структурировать их по уровням и формам задействованных в них участников как носителей региональных производительных сил, и здесь их операционализация представляется весьма конструктивной для поиска направлений совершенствования экономических отношений между различными мезосубъектами и микросубъектами экономико-политической деятельности. Это касается таких форм территориального обобществления производства, как пространственная кластеризация, представляющая собой специфическую реализацию локализации макротехнологий. Эти процессы повышают роль субъектного фактора в регулировании происходящих процессов, что находит отражение в субъектизации региональных социально-экономических процессов и формировании коллективно-групповых субъектов деятельности.

В соответствии с методологией системы национальных счетов взаимоотношения по распределению и перераспределению добавленной стоимости складываются не только между субъектами производственно-хозяйственной сферы материального производства, но и между бюджетными организациями и не только в части распределения бюджетных расходов разного уровня. Поэтому все денежные потоки, которые потенциально можно вскрыть по всем взаимоотношениям субъекта регионального управления с другими субъектами государственной и финансово-предпринимательской деятельности, охарактеризуют взаимоотношения всех акторов на таких носителях, как денежные и финансовые ресурсы. Чтобы количественные расчеты были корректными и реально отражали потоки, данные, полученные в результате сбора соответствующих статистических данных из различных источников (Росстат, территориальные управления Росстата по субъектам федерации, статистика Банка России по регионам, статистика Минфина и его Казначейства по регионам, ведомственная статистика по регионам дислокации «своих» предприятий, корпоративная статистика) и досчета полученных результатов непубликуемыми на уровне регионов данными, необходимо еще привести в единые сопоставимые цены по методологии расчета *цен стоимостного уровня*, как это сделано на уровне федеральных округов [7]. Как видно, потенциал региональной политэкономии действительно огромен для четкой диагностики сложившихся

отношений в части распределения и перераспределения составных частей валового регионального продукта. Полученные данные позволят определить те процессы, которые должны быть учтены в государственной региональной политике на федеральном уровне, в том числе и в части объединения тех или иных регионов, если для этого созрели предпосылки.

Однако пока для существующей власти характерно еще формальное отношение к региональной проблематике. Подтверждением тому стала явочным порядком принятая установка на интеграцию регионов. В результате произошло объединение ряда субъектов Российской Федерации на основе как бы референдного «волеизъявления» населяющих эти регионы граждан России. Также относительно неожиданно принято решение о расширении города Москва в 1,6 раза с вовлечением в ее состав ряда муниципальных образований Московской области. Такие решения, как представляется, принимают тогда, когда имеет место один из следующих трех случаев. А именно – это происходит, когда:

1) задействованы практически все ресурсы регионов, и активизация их использования выиграет на эффекте масштаба, получаемого за счет объединения;

2) процессы региональной интеграции соседних регионов в различных формах территориального обобществления производства достигли такого уровня, когда отнесение разных сегментов единого агломеративного образования к различным административно-территориальным и тем более государственно-территориальным образованиям, каковыми конституционно являются субъекты Российской Федерации, мешает развитию их дальнейшей интеграции, тормозит динамику социально-экономического роста и потому общественным сознанием воспринимается как анахронизм;

3) ресурсная база прежних субъектов Российской Федерации близка к исчерпанию и для решения *просчитанных* крупных инвестиционных проектов ее явно не хватит и, понимая, что добиться координации соседних муниципальных образований или тем более субъектов федерации практически невозможно, то за единственный путь интенсификации производства и труда в смежных регионах принимается модель укрупнения субъектов Российской Федерации.

Если рассмотреть каждый потенциальный случай, то видно, что проблемы, на которые должны быть направлены административно-территориальные преобразования подобного уровня, лежат в другой плоскости. Так, приме-

нительно к первому случаю говорить об исчерпании ресурсов, когда до сих пор (2018 год) не восстановлен дореформенный уровень промышленного и сельскохозяйственного производства 1990 г. и когда множество объектов брошены и зарастают бурьяном (бывшие действовавшие коровники и птицефермы, оставшиеся пустыми после приватизации и разделения колхозного поголовья, разнообразные объекты незавершенного строительства, заброшенные и разрушающиеся объекты промышленной переработки некоторых сельскохозяйственных продуктов в рамках прежде не реализованной модели агропромышленной интеграции и т.п.), не серьезно. Тем более, что большая часть этих мощностей уже не подлежит восстановлению.

Второй случай: есть демонстрация неспособности, чтобы не сказать неумения, государственными механизмами (налоговые льготы, гарантии кредитов и т.п.) и финансовыми средствами обеспечить скоординированное развитие таких территориальных подсистем единого пространственного хозяйственного комплекса объектов, которые столкнулись с организационными барьерами, препятствующими дальнейшему развитию. Этот случай применим не только к долгому противостоянию Москвы и Московской области там, где должна была быть кооперация, а имели место амбиции глав соседних регионов, не способных во имя общенациональных интересов прийти к компромиссам. Смена персональных руководителей обоих субъектов федерации позволила эту проблему решить, но что касается расширения Москвы, то здесь также не все соответствует уже выявленным тенденциям. Выбрав направление территориальной экспансии Москвы в южном направлении, упускается северо-западное направление, где объективно складываются процессы объединения ленинградской и московской агломераций. Скорее, такое решение обусловлено тем, что земли на западе и северо-западе Подмоскovie уже заняты таким контингентом, который нельзя тревожить. Поэтому дешевле с нуля начать строить город на пустошах, полях местных агропроизводителей и лесных площадях южного и юго-западного направления.

Третий случай из рассмотренных – из возможного, но не столь уж близкого будущего. Во-первых, ни один из регионов не достиг такого уровня использования всех наличных ресурсов, что только эффект объединения вдохнет хозяйственную жизнь, а во-вторых, пока нет и не обсуждается даже возможность *таких инвестиционных проектов*, которые бы поста-

вили в практическую плоскость вопрос объединения в единое целое соседних субъектов федерации как насущную необходимость. На сегодняшний день необходимо признать, что нет никаких оснований утверждать, что региональные ресурсы уже используются таким образом, что дальнейшее интенсивное развитие регионов просто немыслимо без поглощений, слияний и объединений субъектов Российской Федерации.

Не слышно было, что проекты уже состоявшегося объединения регионов имеют предварительное тщательное обоснование, и из наиболее предпочтительных сценариев, получивших многовариантную проработку и экспертные оценки, выбраны лучшие. Между тем, по принятым схемам очевидно, что были и есть альтернативы, которые предопределяют различные сценарии реализации и главное – более высокую вероятность обеспечения запланированных результатов, возможный спектр ответной реакции на территориально-реформаторские меры. Очевидно, что в зависимости от того, что лежит в основе объединения и упразднения субъектов Федерации, какие закономерно существующие или целенаправленно созданные территориально-экономические общности объединяются или становятся центром притяжения других, во многом зависят и рамки спектра возможных вариантов, а также перспективы, границы и само пространство альтернатив моделей экономического роста. Из всех объединенных субъектов федерации известна предварительная работа только по Пермскому краю, и то – благодаря монографии А.А. Климова [6], принимавшего участие в разработке проекта объединения и написавшего по его материалам книгу. Проект обоснования объединения Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области в Пермский край [6, с.174-272], показывает, каким образом объединение может стать «локомотивом» роста для всего Уральского экономического района и страны в целом. Однако таких разработок больше пока нет, а есть формальные подходы, которые к тому же, не будучи политически корректными в сохранении этнически определенных регионов, являющихся единственными автохтонными территориями, т.е. территориями исконного проживания конкретного этноса, его этнической родины для ряда народов России, могут стать фактором угрозы общественно-политической устойчивости и целостности страны.

В литературе иногда используются понятия «региональные производственные отношения» и «региональные производительные силы».

После закрепления в нормативно-правовой лексике за понятием «регион» преимущественно понятия «субъект Российской Федерации», такое использование определений может сужать содержание, определяемое термином, только до уровня субъекта федерации. Тогда окажутся не охваченными те экономические отношения, какие складываются между территориальными общностями, например, и органами регионального управления как мезосубъектами территориальных экономических и административно-управленческих отношений. Кроме того, весь спектр взаимодействия, укладываемый в территориальные отношения, разнообразен и зависит от субъектов, участвующих в них, и потому всякий раз требуют уточнения, о каком мезосубъекте совместно-групповой деятельности или о каком уровне взаимодействия идет речь. Поэтому здесь и далее используется определение «территориальные» применительно к рассматриваемой категориальной логической оппозиции.

Понятие «*территориальные производственные отношения*» отражают тот комплекс отношений, какой складывается при реализации *территориальных производительных сил*. Он характеризует взаимодействие территорий самого разного таксономического уровня как *несубъектизированной совместно-групповой деятельности*, совершающейся на этой территории, или *бессубъектных субъектов экономических отношений между собой в их постепенном превращении в совместно-групповые субъекты экономического взаимодействия*, что осуществляется территориальным обобществлением производства, а также – уже сложившимися *территориальными субъектами совместно-групповой деятельности*.

Понятие «территориальные производительные силы» включает в себя два «пласта» производительных сил: *территориальные естественные производительные силы* и *произведенные территориальные производительные силы* (рис. 1). И те, и другие, что характерно для производительных сил человека, есть его способности, опираясь на очеловеченную природу или созданные им средства труда, производить работу, направленную на удовлетворение его человеческих потребностей. Первые характеризуют объективно сложившиеся при данном уровне общественного развития способности человека использовать потенциал пространственно-утилизируемого ландшафта, включающего реки (как средство сплава древесины, как судоходные «трассы»), как бассейн рыбного хозяйства, как источник энергии для

водяных мельниц и гидроэлектростанций и т.п.), естественно-плодородные почвы, водопады, переволоки, переправы, перевалы и т.п., а также климат данного ландшафтного пространства. Вторые включают в себя встроенные в пространственно-утилизируемый ландшафт пространственно-производственные системы, «наполненные» зданиями и сооружениями, оборудованием и разнообразной инфраструктурой, и другими производственными комплексами, произведенными рабочей силой человека, включая встроенные в них и уже являющиеся их составными компонентами естественные производительные силы, для реализации своих интересов, в т.ч. и во взаимодействии с другими регионами. Но как способности человека, взятого не в качестве индивидуума, а в качестве организованного в те или иные субъективно-деятельностные субъекты или территориальные общности, территориальные сообщества (города, муниципальные сообщества, регионы).

Сама потребность в формировании региональной политической экономии вызвана необходимостью осмыслить процессы, которые без нее выпадали из поля зрения, потому что традиционно политэкономия не занималась собственно территориальными производительными силами, а региональная экономика занималась не территориальными производительными силами, а развитием и размещением производительных сил на территории страны или ее регионов. Да и их рассматривала преимущественно как производственные мощности различных отраслей, дислоцированные на определенной территории.

В XXI веке потребность в формировании региональной политэкономии актуализировалась еще и потому, что возникла необходимость в теоретической рефлексии на «тектонические» сдвиги в складывающемся миропорядке, в частности, на процессы, отражаемые в таких новых логических оппозициях, как «глобализация – регионализация», «регионализация – локализация» и «локализация – глобализация». Какие отношения складываются между регионами в указанных понятийных логических оппозициях, кто субъекты этих отношений, – такие вопросы существующая региональная экономика не рассматривает. В результате сложно выявить угрозы в неидентифицируемом пространстве, они не «прочитываются» в новом формате новой экономики. Кроме того, возникла необходимость в идентификации экономических взаимоотношений,

складывающихся между регионами, идентификации субъектов деятельности, которые «закрывают» экономические отношения с их разных сторон, а также фиксации процессов субъектизации различных территориальных общностей, появлением таких регионально определенных субъектов финансово-экономической деятельности, как мегаполисы, агломерации и т.п. Становящиеся самостоятельными субъектами международных и, – особенно, – финансовых отношений мировые города, нарастающее количество которых не ограничивается представленностью государств, в составе которых они образовались, города-регионы, регионы-страны и другие новые территориальные общности начинают менять формат межрегиональных отношений. Регионы в лице своих наиболее консолидированных представителей (органов власти, территориальных представительных органов среднего и крупного бизнеса, криминалитета) начинают действовать как самостоятельные субъекты экономических межрегиональных отношений, как акторы, равные по статусному положению с государствами и ТНК, ранее безраздельно представлявших всю совокупность субъектов международной деятельности. В меняющемся миропорядке, заполненном указанными коллизиями, потребовалась теоретическая рефлексия, на место которой пока только и может претендовать региональная политическая экономия. Понять этот новый складывающийся миропорядок невозможно без специального теоретического инструмента со своим предметом, методом и новыми конструктивными концептами, ранее не использованными в дисциплинах смежного профиля (экономическая география, геоэкономика), но обладающими эвристическими возможностями. Геоэкономика отчасти оперирует региональной проблематикой, но делает это, как правило, не на уровне региона, а на уровне государства и надгосударственных общностей, конкурирующих между собой за ресурсы национального развития. Поэтому геоэкономика имплицитно предполагает государство в качестве главного актора, тем самым растворяя вопрос региона как субъекта экономической деятельности в традиционной для экономики проблематике. В региональной экономике территория как ресурс начинает использоваться в ограниченной своей представленности, не охватываемой государством полностью (включая коллизии между суверенитетом и местным или региональным самоуправлением). Процесс регионализации охватил практически все

индустриально развитые страны и, как представляется, наиболее адекватное понимание этих процессов достигается при рассмотрении регионов как субъективно-деятельностных субъектов социально-экономических отношений. Но и внутри разноуровневые процессы,

как, например, территориальные хозяйственные уклады [9], требуют своей субъектизации. Начавшийся век покажет много новых государственных образований, возникших в результате субъектизации субъективно-деятельностных субъектов региональных социально-экономических отношений.

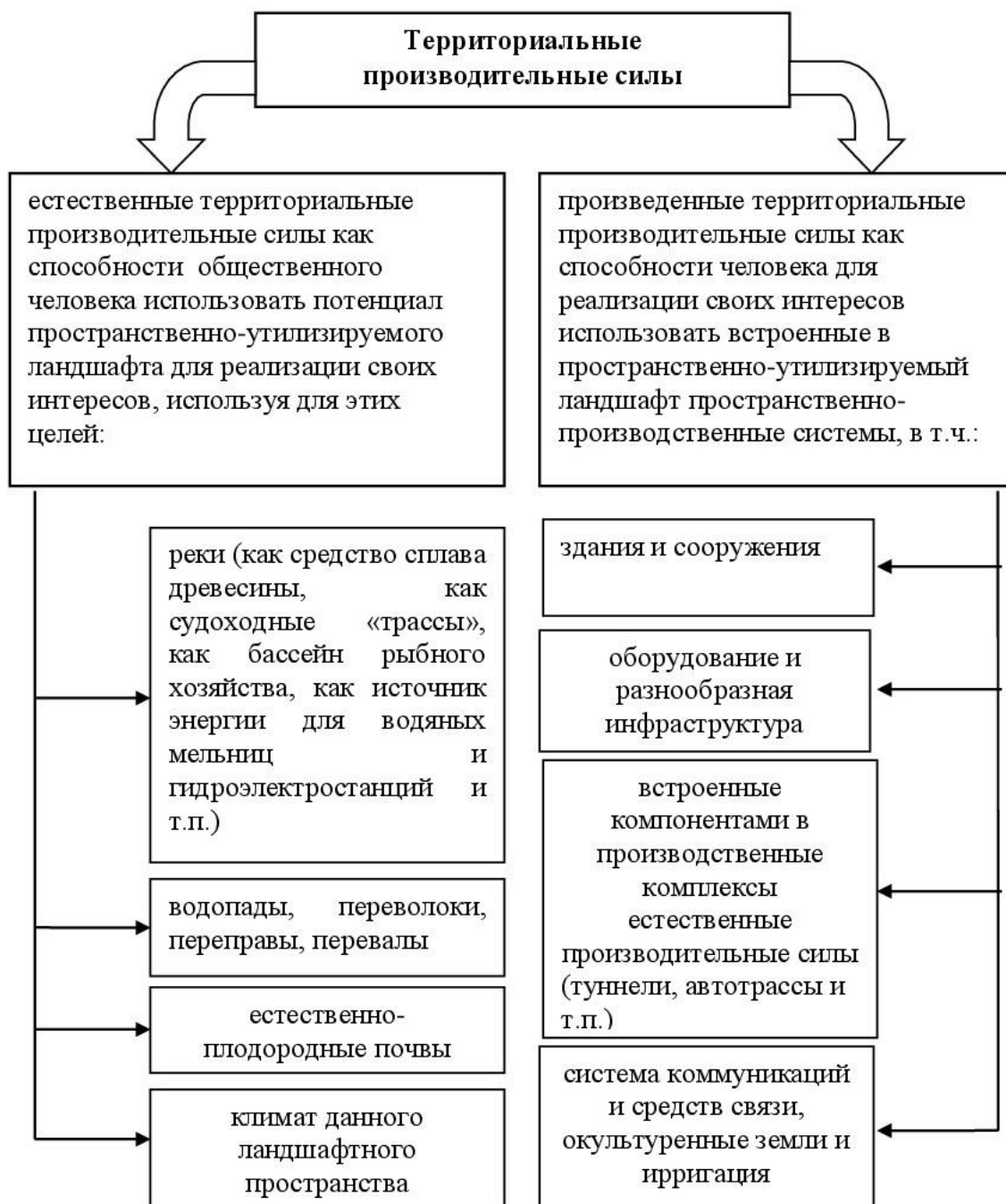

Рис. 1 Разновидности территориальных производительных сил

Источник: рисунок составлен автором

Заключение

Региональная политэкономия не есть местечковая политэкономия. Используемое прилагательное фиксирует то обстоятельство, что предметом ее как политэкономии является система территориальных производственных отношений и производительных сил в их взаимодействиях друг в друга и их противоречивом разрешении антагонистических противоречий, когда взаимопереходы не находят адекватных форм совместного развития. Как региональной политэкономии ее предметом становится тот уровень экономических отношений, который характеризуется, наряду с традиционными «социальными вещами», изучаемыми политэкономией при исследовании диалектики производительных сил и производственных отношений, как «географическая основа, на которой эти отношения развиваются, а также, конечно, внешняя Среда, окружающая эту общественную форму» [35, с. 175]. Небольшая «перефокусировка» у региональной политэкономии, позволяющая ее рассматривать как особенный раздел политической экономии в целом, вызвана тем, что она исследует особенные производительные силы человека – территориальные, предполагающие изучение таких ранее не попадающих в фокус внимания «социальных вещей», как пространство в его качестве многофункционального ресурса, элементы природной среды, выполняющей функцию естественной инфраструктуры (реки) и т.п., позволяющие увеличивать их потребительную стоимость без увеличения меновой стоимости. Эвристические возможности использования методологического подхода региональной политэкономии для регионов огромны, поскольку позволяют рассчитывать наибольший эффект от выбора альтернативного использования возможностей задействовать те или иные стороны многофункциональных ресурсов. Так, требует комплексных исследований вопрос, что будет иметь наибольший эффект для жителей региона с учетом расширения его экономических связей с другими регионами при выборе сценария использования реки как транспортной артерии, как водоема для организации гидроэлектростанции, как благоустроенного природно-пейзажного заповедника и рекреационного комплекса и т.п.

Выводы

Теоретическое рассмотрение ряда пространственных форм производства, не находя отражение в соответствующей общетеоретической дисциплине, каковой могла быть региональная политэкономия, вызвала потребность в

создании теоретической экономгеографии, хотя очевидно, что экономическая география может рассматривать проблемы только в контексте своего предмета. Между тем региональная политэкономия, раскрытая по своему предмету, как указано выше, могла бы оказать существенную поддержку для понимания логики и закономерностей движения территориальных производительных сил. Поэтому задачами региональной политэкономии должны стать:

определение сути и форм проявления территориальных производственных отношений в их отличии от родового понятия «производственные отношения»;

место субъектов экономической деятельности в системе территориальных производственных отношений; особенности диалектики территориальных производительных сил и территориальных производственных отношений;

становление пространства особым ресурсом в геоэкономике и геополитике и расширение спектра обуславливаемых им деятельностных способностей различных субъектов совместно-групповой деятельности;

многоуровневость территориальных производственных отношений как пространства разработки форм и методов регулирования пространственного развития и размещения производительных сил;

методологические подходы к такой форме реализации территориальных производительных сил и территориальных производственных отношений как территориальные хозяйственные уклады, их идентификация и возможности использования сложившихся в их рамках территориальных производительных сил для повышения комплексности социально-экономического развития подведомственной региональным органам государственного управления территории и другие.

Так, в частности, значительную помощь в проведении региональной реформы могут оказать и политэкономические категории, наполненные особенностями предмета региональной политической экономии. Хотя политэкономические категории могут показаться менее конкретными, чем понятия регионалистики, и отражать более высокий уровень теоретического обобщения территориальных социально-экономических процессов, тем не менее, они несут значительную методологическую и методическую нагрузку.

Список литературы:

1. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. — М.: ГУ ВШЭ, 2000 - 495 с., с.83.
2. Жан К., Савона П. Геоэкономика: господство экономического пространства/Пер.с ит. - М.: Ad Marginem, 1997. - 207с.
3. Климов А.А. Пространственное развитие и проблемные территории: социально-экономические аспекты. - М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
4. Некрасов Н.Н. Региональная экономика. Теория, проблемы, методы. – 2-е изд. – М.: Экономика, 1978. – 344 с.
5. Переслегин С.Б. Новые карты будущего, или анти-рэнд. - М.: АСТ Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2009. – 701с.
6. Попадюк К.Н. Общественный продукт и эффективность его производства в период развитого социализма. – Т.: Узбекистан, 1979–181 с.
7. Попадюк К.Н. Цена, финансы и кредит в распределении ВВП в постсоветской России: монография. – М.: Финансовый Университет, ЗФЭИ, 2012. – 152с.
8. Попадюк Н.К. Городские агломерации как фокус новой парадигмы регионального управления // Друкеровский вестник. 2014. № 1. С. 24-30.
9. Попадюк Н. Административно-территориальная реформа и территориально-хозяйственные уклады. // Вопросы экономики. – 2004. – № 5. –С. 73–84.
10. Попадюк Н.К. Век возрождения Востока: очерки политэкономической антропологии. – М.: Ленанд, 2015. – 800 с.
11. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. - М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 520с.
12. Энгельс Ф. Письмо Боргиусу. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.32,